

Научная статья

УДК 81'38

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15302>

ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЁННОСТИ ДЛЯ НЕКОТОРЫХ КОМПОЗИТОВ В ДЕЛОВОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Е.П. Буторина ✉

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
Москва, Российская Федерация

✉ elenabutorina@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждается значение грамматической категории одушевлённости некоторых композитов делового медиадискурса, включающих первый и второй компоненты с разными исходными характеристиками одушевлённости: *государство-ответчик, страна – экспортёр наркотиков* и др. Цель представленного в статье исследования состоит в выявлении наличия или отсутствия различий в предпочтениях выбора значения категории одушевлённости, осуществляемого в деловом медиадискурсе для разных видов композитов: составных слов и синтаксических конструкций, включающих приложение. Основой методологии исследования выступает когнитивно-дискурсивный подход. В работе используются методы моделирования, классификации, контекстного анализа, качественного и количественного сопоставления, опроса носителей языка. Для проверки гипотез применяется критерий согласия Пирсона, вычисления соответствующих коэффициентов выполняются при помощи функции КОРРЕЛ Microsoft Excel. В качестве материала привлекались контексты, представленные в основном корпусе и газетном подкорпусе НКРЯ, и результаты выдачи поисковой системы Yandex. В результате исследования установлено, что особенно много случаев экспансии неодушевлённости зафиксировано при употреблении форм множественного числа. Отмечена связь между концептуализацией означаемого композита, находящей проявление в его грамматическом оформлении, и дискурсивными условиями употребления составной единицы номинации. Статистически значимых различий в употреблении показателей одушевлённости для сложносоставных слов и синтаксических конструкций, включающих приложение, не выявлено.

Ключевые слова: одушевлённость, композит, деловой дискурс, медиакommunikации, русский язык.

Для цитирования: Буторина Е.П. Значение категории одушевлённости для некоторых композитов в деловом медиадискурсе // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 3. С. 15–27. DOI: 10.18721/JHSS.15302

GRAMMATICAL FEATURE OF ANIMACY IN SOME RUSSIAN COMPOUNDS IN MEDIA

E.P. Butorina ✉

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

✉ elenabutorina@yandex.ru

Abstract. The paper discusses the grammatical feature of animacy in business discourse compounds whose first and second components differ in animacy: *gosudarstvo-otvetchik* (respondent State), *strana – eksportyor narkotikov* (drug-exporting country), etc. on the basis of the contexts represented in the main body and newspaper subcorpus of The Russian National Corpus and the results of the Yandex search engine. The purpose of the research is to identify any differences in the preferences for choosing the meaning of the animacy category in business media discourse for different types of composites: compound words and syntactic constructions including an apposition. The methods used in the study include modeling, classification, contextual analysis, qualitative and quantitative comparison, and surveying language speakers. To test hypotheses, Pearson's Chi-squared test is applied, and the corresponding coefficients are calculated using the CORREL function in Microsoft Excel. The cases of retention of the dictionary meaning of morphological animacy in syntactic structures are analyzed. Of particular interest are the situations of expansion of the animacy feature from one component of the compound to the whole compound. Grammatical and cognitive prerequisites for the assimilation of compound members in grammatical animacy are proposed. The possibility of agreement of adjectives, determinative pronouns, ordinal numerals and participles with such compounds are considered.

Keywords: animacy, compounds, business discourse, media, Russian.

Citation: Butorina E.P., Grammatical feature of animacy in some Russian compounds in media, *Terra Linguistica*, 15 (3) (2024) 15–27. DOI: 10.18721/JHSS.15302

Введение

Категория одушевлённости в русском языке проявляется на морфологическом и синтаксическом уровнях. Исследователи обращают внимание на наличие промежуточной зоны между словарём и грамматикой [1] и отмечают, что интерес к явлениям и единицам подобного множества в наибольшей степени оправдан в ряде случаев, в числе которых можно назвать описание ограничений на одушевлённость/неодушевлённость референта [2]. Особый интерес в этом плане представляют сложносоставные слова, включающие компоненты с разными значениями категории одушевлённости.

А.Н. Барулин, предлагая проект создания толково-комбинаторного словаря морфем, подчёркивал единство механизмов построения слов и синтаксических конструкций: «Сложные морфологические конструкции (т. е. конструкции, в которые входит более одного морфа) строятся из морфов приблизительно по тем же правилам, что и сложные лексические конструкции, т. е. на основе морфолого-синтаксических отношений между морфемами в словоформе по правилам отображения этих отношений в линейной структуре, хотя в построении морфологических конструкций есть и свои особенности» [3, с. 14], обращая особое внимание на характер связи между морфемами в слове: «Более того, в словоформе все морфемы, значение которых не является пустым (как это имеет место, например, в случае с тематическими морфемами), должны быть непрерывно связаны синтаксическими отношениями, а вся она представляет собой морфолого-синтаксическую конструкцию» [Там же, с. 21]. Значительная роль в построении этой модели принадлежит композитам как образованиям, описание закономерностей построения которых

может способствовать выявлению промежуточных областей между словарём и грамматикой: «Композиты строятся в два этапа: вначале конструируются основы композитной конструкции, затем с помощью оператора конкатенации, выражаемого коннектором, устраняется лексическая граница между основами...» [Там же, с. 24] В качестве результата работы А.Н. Барулина по выявлению и описанию особенностей построения композитов и правил выбора для таких сложных или составных образований общих грамматических характеристик можно рассматривать предложенный им список поверхностных морфолого-синтаксических отношений [Там же, с. 28]. В него вошли несколько основных классов: нексусно-актантные, юнктивно-актантные, атрибутивные, юнктивно-сирконстантные, однородные и параметрические. К сожалению, последний класс исследован наименее подробно, в то время как именно он представляет наибольший интерес с точки зрения описания явлений, связанных с нестандартными случаями функционирования некоторых составных композитов в узусе. Речь идёт об особенностях выбора грамматического значения категории одушевлённости таких образований, как *государство-ответчик*, *страны – участницы СНГ* и т.п. Стандартным случаем реализации категории одушевлённости мы считаем для слов, имеющих словарную помету «одушевлённое», совпадение во множественном числе форм падежных окончаний винительного падежа с формами окончаний родительного падежа, для слов с пометой «неодушевлённое» – совпадение падежных окончаний винительного падежа с формами именительного. У существительных мужского рода такая омонимия падежных форм наблюдается и в единственном числе.

Исследователи отмечают, что, поскольку сложносоставное слово состоит из двух или более самостоятельных слов, одной из наиболее часто встречающихся проблем его морфологии является определение порядка образования форм каждого из его компонентов [4, 5]. В сложносоставном образовании могут склоняться обе части (*организация-исполнитель*), только первая (*программа-максимум*) или только вторая часть (*генерал-майор*). Т. Ян полагает, что в случае изменения обеих частей сложносоставное слово сближается со словосочетанием, при ограничении склонения отдельных компонентов можно говорить скорее о сложном слове [5]. Ещё более значительный интерес могут представлять композиты с точки зрения категории одушевлённости, если части такого сложносоставного образования имеют разные значения этой категории. В этом случае закономерно возникает вопрос о связи грамматики с семантикой и прагматикой, то есть о том, каковы когнитивные механизмы выбора значения категории одушевлённости для сложносоставного слова в тех или иных дискурсивных практиках.

Цель исследования и предварительные наблюдения

Цель представленного в статье исследования состоит в выявлении наличия или отсутствия различий в предпочтениях выбора значения категории одушевлённости, осуществляемого в деловом медиадискурсе для разных видов композитов: составных слов и синтаксических конструкций, включающих приложение.

Исследователи обсуждают различные причины периферийных явлений, связанных с проявлениями категории одушевлённости в узусе, обращая внимание как на семантику одушевлённости, так и на прагматические условия построения высказываний (например, [6]). В частности, их внимание привлекают сбои, связанные с непрототипическими единицами в этой сфере. Среди таких единиц отмечены и существительные, обозначающие организации, в которых могут формироваться постоянные или временные группы людей [Там же, с. 248].

В официальном и деловом дискурсах также можно встретить случаи употребления некоторых слов, постоянно характеризующихся в языке как одушевлённые, по отношению к неживым референтам (например, *ответчик*, *выгодоприобретатель*). Уточним, что для целей нашего исследования мы будем считать, что деловой дискурс служит для оптимизации управленческой, производственной, финансовой или коммерческой деятельности, а официальный функционирует в правовом поле. В общем случае они не совпадают, хотя часто пересекаются.

Необходимо отметить, что круг интересующих нас единиц в деловых, официальных и представляющих их в публичном дискурсе медиатекстах заметно шире, чем перечень обычно приводимых в справочниках слов с варьированием значения одушевлённости. Так, помимо упоминаемых в большинстве описаний известных случаев несоответствия грамматического значения одушевлённости в языке признакам биологически живого существа (*кукла*, *мертвец*, *валет* и ряд других) можно говорить и о классе ситуаций подобного расхождения уже в деловой речи, предполагающей, как принято считать, более рациональное устройство: в грамматическом словаре А.А. Зализняка¹ слова *импортёр* и *экспортёр* имеют помету одушевлённых существительных, при этом уточняется, что речь может идти в том числе об учреждении, государстве. Для некоторых слов, таких, например, как *производитель* или *отправитель*, указано, что они имеют постоянное значение морфологической одушевленности, если речь идёт в том числе об учреждении, а для других, которые тоже могут употребляться по отношению к таким сущностям, как учреждения, государства и страны, для обозначения их роли в деловом взаимодействии или статуса в правовом пространстве, например, *нарушитель*, *преемник*, *участник*, приводится постоянное значение одушевлённости без соответствующих уточнений.

Обратимся к примерам употребления таких слов в предложениях. Предварительное наблюдение показывает, что картина оформления грамматической одушевлённости будет не вполне однородной для всех случаев. Если отдельно стоящее слово, отмеченное в словаре как одушевлённое, даже при употреблении по отношению к неживому референту сохраняет признак грамматической одушевлённости, то в случае его вхождения в композит (в составном слове или при наличии приложения в синтаксической конструкции) ситуация заметно меняется:

(1) *Надо понимать, что, скажем, популярное в 2008–2009 годах объяснение резких колебаний цен влиянием трейдеров устроило всех: страны-экспортёры, импортёров, нефтяные компании* [Быков П., Кокшаров А. Весьма хладнокровный картель // Эксперт. 2014] (НКРЯ²).

В этом примере можно наблюдать рядом стоящие формы: слово *импортёров* (в. п. = род. п.) употреблено как одушевлённое по отношению к неживому референту, а композит *страны-экспортёры* выступает как неодушевлённое составное существительное (в. п. = им. п.). Если предположить, что в этом контексте речь идёт всё-таки об импортёрах-людях, которые почему-то упомянуты в одном ряду со странами и компаниями, то можно опереться и на другие примеры: номинации со значением грамматической одушевлённости по отношению к неживым референтам встречаются не столь редко, тем более что образование и употребление подобных форм не противоречат словарной информации о значении категории одушевлённости для этих слов:

(2) *В будущем правительство намерено превратить страну и в крупного экспортёра телекоммуникационного оборудования* [Чернов А.А. Становление глобального информационного общества. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2003. 232 с.] (НКРЯ);

(3) *Её устранение позволило объявить её преемника – общенародное государство* [Попов Г., Аджубей Н. Пять выборов Никиты Хрущева (журнальный вариант) // Наука и жизнь. 2008. № 10]. (НКРЯ).

Можно видеть, что отдельно стоящие слова в примерах (1) и (2) ведут себя в соответствии с их словарной характеристикой. В конструкциях с приложениями, в которых такие слова занимают позицию синтаксической вершины, насколько можно судить по приведённому примеру (3), наблюдается похожая картина. Возможны ли колебания в выборе характеристик одушевлённости для составных частей разных видов композитов? С чем могут быть связаны такие колебания?

Методология и методика исследования

В исследовании используется когнитивно-дискурсивный подход к анализу языкового материала.

¹ Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс Книга, 2022. 800 с.

² Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения 28.05.2024).

Когнитивный подход, одним из оснований которого является антропоцентричность, «позволяет проследить, как человек, концептуализируя и категоризируя поступающую к нему в ходе предметно-познавательной деятельности информацию, создает на основе уже оязыковленных концептов новые, которые получают репрезентацию за счет производных единиц, в том числе сложных слов» [7, с. 76].

В исследованиях, выполненных в русле когнитивного направления, выявляются механизмы вторичной концептуализации семантической категории лица [8], связанной с грамматической категорией одушевлённости. Различное значение одушевлённости в разных контекстах для сочетания *юридическое лицо* показано в [9]. Особенность грамматических категорий по сравнению с семантической категоризацией заключается в том, что говорящему необходимо выбрать грамматический показатель, в том числе и для непрототипических случаев номинации. Для категории одушевлённости это наименования организаций, в которых работают люди, то есть лица. Сама организация в целом при этом в ряде ситуаций также проявляет себя как субъект права. Проанализированные примеры свидетельствуют о том, что носителями языка могут быть приняты разные решения при употреблении сочетания *юридическое лицо*, которое является результатом метафтонимического переноса, обозначая при этом неживой объект действительности.

Говорить о нарушениях нормы одними говорящими и соблюдении их другими при выборе разных показателей одушевлённости в этом случае неправомерно, поскольку такая норма для номинации *юридическое лицо* не зафиксирована авторитетными словарями. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что предпочтения в выборе того или иного показателя одушевлённости для этого сочетания связаны с особенностями представления знаний о мире и дискурсивными условиями его функционирования [9].

В настоящей работе изучается, в частности, то, какие знания о мире передают анализируемые композиты, определяется, за счет каких когнитивных моделей и механизмов в их семантике актуализируется или нейтрализуется семантика лица или предмета при определённых дискурсивных условиях. Выбор значения категории одушевлённости композита как единого целого при разных значениях этой категории для входящих в его состав компонентов рассматривается на материале медиатекстов, с учетом особенностей дискурса современных медиакommunikаций [10].

Таким образом, объектом исследования, представленного в статье, является функционирование композитов в деловых медиатекстах. Предмет исследования – механизмы концептуализации означаемого композита в идентифицирующей (субъектной) или квалифицирующей (предикатной) роли [11, 12]. Результаты такой концептуализации, в свою очередь, находят отражение в выборе значения категории одушевлённости.

В работе используются методы моделирования, классификации, контекстного анализа, качественного и количественного сопоставления, опроса носителей языка. Для проверки гипотез применяется критерий согласия Пирсона, вычисления соответствующих коэффициентов выполняются при помощи функции КОРРЕЛ Microsoft Excel.

Когнитивно-дискурсивный подход, реализуемый при помощи указанных методов, позволяет направить «вектор исследовательского внимания на те категориальные зоны грамматического значения, которые посредством их отражения в речи демонстрируют активную позицию говорящего, наделяющего своё высказывание такими смыслами, которые, с одной стороны, свидетельствуют о погружённости говорящего в речевой опыт, с другой стороны, передают такие смысловые системно-грамматические отношения, которые заложены в самом потенциале языка. По-видимому, этот потенциал ещё далёк от исчерпывающего описания» [13, с. 45].

Результаты исследования и обсуждение

Рассмотрим примеры употребления композитов, в состав которых входят морфологически неодушевлённые части *банк, государство, предприятие, страна, фирма* в сочетании с компонентами

импортёр, истец, нарушитель, ответчик, производитель, союзник, участник, экспортёр и др., характеризующимися в словаре³ как одушевлённые. Уточним, что под композитом мы понимаем единицу номинации, включающую два и более корня. Помимо сложносоставных слов, части которых соединены дефисом (например, *банк-преемник, государство-банкрот*), к таким единицам могут быть отнесены номинации, включающие слово и приложение к нему, между которыми стоит тире (например, *государства – участники СНГ, страна – импортер наркотиков*). Все они представляют собой эндоцентрические структуры, то есть их синтаксическая вершина находится внутри композита, который является гипонимом по отношению к ней [14]. Многие из этих сложносоставных слов имеют официальные дефиниции, которые зафиксированы в соответствующих документах, то есть являются единицами официального и делового стиля, представленными в медиадискурсе, например:

Государство-экспортёр – «договаривающееся государство, экспортирующее типовую конструкцию, её модификацию или изделие по условиям настоящего Соглашения. *Соглашение в форме обмена личными нотами о сертификации взаимно импортируемых гражданских воздушных судов и о признании сертификатов лётной годности (Рим, 30 ноября 1989 г.). 3. Термины и определения, п.з.*»⁴.

В Национальном корпусе русского языка⁵ удалось найти всего 63 примера употребления подобных образований в винительном падеже, поиск «Яндекса» позволил дополнить этот список ещё 11 случаями. В получившемся множестве примеров теоретически возможны несколько групп:

Группа 1: сохранение словарных значений одушевлённости/неодушевлённости обеими частями композита в единственном числе;

Группа 2: сохранение словарных значений одушевлённости/неодушевлённости обеими частями композита во множественном числе;

Группа 3: экспансия неодушевлённости в единственном числе;

Группа 4: экспансия неодушевлённости во множественном числе;

Группа 5: экспансия одушевлённости в единственном числе;

Группа 6: экспансия одушевлённости во множественном числе.

Примеры полученного массива было предложено оценить 50 носителям русского языка в возрасте от 18 до 67 лет как правильные, неправильные или возможные. Группа опрашиваемых формировалась с учётом сбалансированной представленности возрастных, гендерных, социальных и территориальных характеристик. Оценка примеров носителями языка представляется необходимым этапом исследования, поскольку многие композиты отсутствуют в словарях (источниках кодифицированной нормы), а примеры узуального употребления таких составных образований нередко немногочисленны или вообще единичны. В этом случае возникает закономерное сомнение в том, имеем ли мы дело с особыми дискурсивными условиями выбора одного из значений грамматической категории или это просто ошибки, которые подлежат изучению уже с другими целями и другими методами. Если выбор признан допустимым и обоснованным с точки зрения преобладающего числа участников опроса, сомнение разрешается в пользу первого предположения. Результаты анализа полученных ответов позволяют при отсутствии зафиксированной языковой нормы провести предварительную оценку узуса (речевой нормы) с учётом мнения определённой части носителей языка из общего числа представителей сформированной выборки (количественный подход). Содержательные комментарии опрашиваемых могут служить некоторым основанием для качественной оценки механизмов их выбора. Как уже было отмечено, классификация исследуемых языковых примеров на группы для дальнейшего изучения была выполнена на основании логического исчисления, но анализ ответов участников опроса позволил убедиться в правомерности некоторых предположений, связанных с таким разделением:

³ Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс Книга, 2022. 800 с.

⁴ Большой толковый словарь официальных терминов / сост. Ю.И. Фединский. М.: Издательство Астрель; Издательство АСТ; Транзит-книга, 2004. С. 174.

⁵ Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения 28.05.2024).

в частности, среди респондентов не наблюдалось принципиальных различий в подходах к интерпретации составных слов и синтаксических конструкций, заметна связь между количеством единообразных оценок/комментариев и количеством примеров в группе и, как правило, случаи выбора форм, образующие малые группы (1 или 2 %), за исключением группы 2, в которой реализуются словарные значения грамматической категории, оценивались сравнительно большим числом респондентов как неправильные, а их интерпретации вызвали заметные затруднения.

Композитов, в которых обе части ведут себя в соответствии со словарной характеристикой одушевлённости, в получившемся небольшом корпусе примеров оказалось всего 8: 7 в единственном числе и 1 во множественном.

Группа 1 (9%)

Сохранение словарных значений одушевлённости/неодушевлённости обеими частями композита в единственном числе

Примеры:

(4) *Одно из возможных объяснений заключается в том, что сама угроза санкций может побудить государство-ответчика выполнить решение третейской группы (Апелляционного органа) (Yandex);*

(5) *Введение войск в Косово будет означать, что Сербия превратится для Европы в страну-изгоя и о вступлении в Евросоюз, к которому сейчас стремится сербское руководство, можно забыть [Дятликович В. Не говорить по-сербски // Русский репортер. 4–11 октября 2007. № 18 (18)] (НКРЯ);*

(6) *Особое внимание обратите на фирму-производителя устанавливаемого комплекта фурнитуры, что входит в комплект, как это отражается на цене готового изделия [Волкова Е. Если вы решили заказать окно... // Биржа плюс свой дом (Н. Новгород). 11.03.2002] (НКРЯ).*

Во всех случаях грамматический род первого компонента, обозначающего правовой статус референта, отличался от грамматического рода второй части, обозначающей социально или юридически значимую роль, которую может выполнять в том числе и человек.

Группа 2 (1%)

Сохранение словарных значений одушевлённости/неодушевлённости обеими частями композита во множественном числе

Единственный пример:

(7) *Целями и задачами ШОС были названы укрепление стабильности и безопасности на широком пространстве, объединяющем государства-участников, борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, наркотрафиком, развитие экономического сотрудничества, энергетического партнёрства, научного и культурного взаимодействия [Альтернативы – нет: история и перспективы ОДКБ // EADaily. 25.11.2016] (НКРЯ).*

Во всех примерах группы 1 и группы 2 композит можно заменить его второй частью, получив высказывание, правильное грамматически и полноценное семантически: *побудить ответчика, превратится в изгоя, обратите внимание на изготовителя, объединяющем участников* и т.п.

Рассмотрим другое множество примеров, в которых вторая часть, входящая в систему русского языка как самостоятельное одушевлённое существительное, в составе композита уподобляется первой части и утрачивает грамматический признак одушевлённости, то есть даёт в единственном числе омонимию винительного и именительного падежей для слов мужского рода. В нашей выборке нашлось 6 таких примеров, составивших группу 3.

Группа 3 (8%)

Экспансия неодушевлённости в единственном числе

Примеры:

(8) *...оттоком части рабочей силы в страну — импортёр наркотиков, что всегда происходит при сценарии экспорта [Глушков Н. Экономика наркомании: выгоды реальные и мнимые // Независимая газета. 01.04.2003] (НКРЯ);*

(9) *Посоветовавшись, мы решили обратиться в управление зооцентра с просьбой послать запрос о тигрице в **страну-экспортёр** и собрать о ней сведения по торговым каналам* [Запашный В. Риск. Борьба. Любовь (1998–2004)] (НКРЯ);

(10) *Неисправный фотоаппарат высылается владельцем на **предприятие-изготовитель** ценной посылкой в полном комплекте, уложенном в тару, предохраняющую изделие от повреждений при транспортировании* [Руководство по эксплуатации фотоаппарата (1990)] (НКРЯ).

Все случаи этой группы представлены определёнными синтаксическими конструкциями, в которых не употребляются одушевлённые существительные, ср.: **отток в импортёра, *послать запрос в экспортёра, *позвонить на изготовителя, *высылается на изготовителя* и т.п. Во всех этих примерах композит заменим на его первую часть – неодушевлённое существительное, которое может быть уточнено определительным оборотом или предложением, включающим второй компонент (однокоренное к нему слово): *Отток рабочей силы в страну, ввозящую наркотики...; Позволив на предприятие, которое изготовило...* и т.п. Таким образом, экспансия грамматического значения неодушевлённости обнаруживает связь с местом соответствующего компонента в вершине композита или его подчинённым положением.

Сопоставим примеры из группы 1 и группы 3.

Пример из группы 1:

(11) *Особое внимание обратите на **фирму-производителя** устанавливаемого комплекта фурнитуры, что входит в комплект, как это отражается на цене готового изделия* [Волкова Е. Если вы решили заказать окно... // Биржа плюс свой дом (Н. Новгород). 11.03.2002] (НКРЯ).

Пример из группы 3:

(12) *В случае разрядки батарей или выхода их из строя блок питания также отправляется для замены или ремонта на **фирму-изготовитель*** [Германский специальный подводный пистолет Р-11 // Зарубежное военное обозрение. 29.11.2004] (НКРЯ).

Выбор грамматической формы одушевлённости получает таким образом вполне правдоподобное объяснение: в первом случае *обратить внимание на производителя* (= того, кто произвёл), во втором – *отправляется на фирму* (= туда, где находится тот, кто изготовил), то есть различие в предпочтении того или иного значения одушевлённости достаточно явно соотносится с узлом композита, обозначающего деятеля. В первом случае в фокусе внимания и в синтаксической вершине находится сам деятель, во втором – его местонахождение.

Группа 4 (79 %)

Экспансия неодушевлённости во множественном числе

Самую многочисленную группу составляют примеры, в которых интересующие нас композиты употребляются во множественном числе, причём винительный падеж второго компонента омонимичен именительному, хотя авторитетные словари⁶ не приводят для этого слова при его самостоятельном употреблении вариантов со значением неодушевлённости. Таких случаев 59, что составляет почти 80% от всех проанализированных примеров.

Контексты, включающие прилагательные (местоимения-прилагательные, числительные-прилагательные, причастия), согласование композита с которыми также характеризует значения категории одушевлённости, встречаются преимущественно в этой группе, видимо, потому, что говорящие избегают строить конструкцию с согласованием в тех случаях, когда характеристики слов в составе композита не совпадают (группы 1 и 2), случаи экспансии одушевлённости единичны и вызывают сомнения у носителей языка (группа 6), а группа 3 содержит сравнительно немного примеров, все из которых представлены только одной синтаксической конструкцией. Можно видеть, что в узусе возможны примеры как с препозицией прилагательного и других частей речи, в которых одушевлённость проявляется как согласовательная категория, так и с их постпозицией.

⁶ Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс Книга, 2022. 800 с.

(13) *В исследовании ДЭСВ 2014 г. было обследовано 193 страны, включая все государства – участники СНГ* [Хохлов Ю.Е. Электронное государственное управление в странах СНГ // Информационное общество. 2016] (НКРЯ);

(14) *Надо сказать, что у нас и при больших визитах в крупные страны-партнёры бизнес-сопровождение заметно малочисленнее* [Денисов А.И. Выступление в «Меркурий-клубе» // Дипломатический вестник. 29.06.2004] (НКРЯ);

(15) *В связи с этим Евросоюз призывает государства – участники МУС, ведущие переговоры по двусторонним соглашениям с США, действовать в соответствии с уставом МУС и его принципами* [Позиция «тройки» Евросоюза относительно международного уголовного суда // Зарубежное военное обозрение. 25.10.2004] (НКРЯ).

Ряд примеров из этой группы может быть проинтерпретирован так же, как и примеры из группы 3, то есть речь идёт о конструкциях, в которых одушевлённые существительные невозможны, в толковании они находятся не в синтаксической вершине. Всего таких примеров 5, что составляет 8% общего числа случаев группы 4.

(16) *Экспорт составил 10,9 млрд. долларов, в том числе в страны вне СНГ – 9,1 млрд. долларов, в государства – участники СНГ – 1,8 млрд. долларов* [Социально-экономическое положение России в 2003 году // Вопросы статистики. 26.02.2004] (НКРЯ).

Остальные случаи представлены контекстами, включающими композиты, которые, в отличие от примеров из группы 1 или 2, не во всех случаях так легко заменимы вторым компонентом, обозначающим роль. В некоторых предложениях такие композиты заключаются в кавычки, подчёркивающие функцию этого сложного образования как наименования класса.

(17) *Политически такое подключение возможно, поскольку концепция ПРО рассматривает в качестве потенциального источника угрозы не Россию и Китай, а «страны-изгои»* [Михеев В.В. Интеграционная мотивация проблемы формирования структуры безопасности через сораствление в Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 29.04.2002] (НКРЯ).

Представляется, что многочисленность примеров этой группы по сравнению с другими моделями оформления одушевлённости композитов в деловом тексте можно объяснить рядом факторов.

Прежде всего, это формальные соображения. Для слов женского и среднего рода, которые, как правило, стоят в начале композита (исключения в нашей выборке составили лишь немногочисленные примеры с компонентом *банк*), грамматическое значение одушевлённости проявляется во множественном числе, поэтому именно в формах множественного числа наблюдается экспансия значения неодушевлённости на второй компонент композита, тем более что это не противоречит обозначению неживого референта.

Вторым предположением, которое пока труднее обосновать в силу количественной и жанровой ограниченности источников языкового материала, представляется характер выражаемых такой номинацией знаний. В некоторых случаях опрашиваемые носители языка проявляли заметное единодушие (87% ответов), предлагая исправить тот или иной показатель грамматической одушевлённости, комментируя свои решения примерно так: «Здесь просто так называется, а здесь обозначаются права/обязанности/действия». Поэтому не исключено, что контексты предпочтения одушевлённости/неодушевлённости могут различаться с точки зрения представленности в них знания кода или пропозиционального знания. Знание кода понимается как владение значением той или иной номинации [15, с. 30]. Специфичные виды знания представляют собой знание об истинных пропозициях для описания тех или иных ситуаций и возможных в таких пропозициях терминах [Там же, с. 37].

Таким образом, в примере (17) речь идёт скорее о знании кода (дополнительным аргументом в пользу такого соображения является использование кавычек для этой номинации), а пример (4) актуализирует скорее специфичное знание. И те, и другие контексты могут быть отнесены к деловым, но только вторые – к официальным. Первый тип контекста допускает экспансию

неодушевлённости в композитах (особенно в формах множественного числа), в то время как второй более чувствителен к показателям одушевлённости/неодушевлённости, поскольку связан с заполнением пропозиции терминами, обозначающими роли в ситуации.

Колебания в выборе того или иного значения категории одушевлённости (особенно для слов, сравнительно недавно вошедших в узус или не так часто в нём встречаемых) в той или иной степени связано с попыткой говорящего квалифицировать референт номинации как живой или неживой. Исследователи неоднократно отмечали, что такая задача не является тривиальной для не-прототипических объектов (например, [6, 16]). Так, О.Е. Фролова на основании анализа устойчивых сравнений выделяет следующий перечень признаков живого: движение, эмоциональность, способность к общению, речь, интеллектуальные способности [16, с. 43]. Некоторые из этих признаков для рассматриваемых нами композитов в деловом медиадискурсе не являются значимыми: например, движение или эмоциональность. Наблюдаемая тенденция экспансии одушевлённости свидетельствует в пользу того, что признаками «живого» объекта действительности (а следовательно, выбора для его обозначения слова с показателем грамматической одушевлённости) будут скорее его субъектные социальные проявления: участие в коммуникации, реализация своих юридических прав, способность нести ответственность (ср. также семантику и прагматику обращений в инстанции, описанную в [17]). Похожую точку зрения высказывают О.Ю. Авдеева и В.В. Девяткина, говоря о механизмах персонализации в юридическом дискурсе: «Понятие *persona* (первоначальное значение — «театральная маска») обозначало в римском праве роль человека в том или ином правоотношении или в той или иной юридически значимой ситуации. Поэтому понятие личности не совпадало с понятием человека и было параметризовано в зависимости от степени участия человека в гражданском обороте (в частноправовых отношениях)» [8, с. 232].

Группа 5 (1%)

Экспансия одушевлённости в единственном числе

Зафиксирован только один пример:

(18) 2. *Попытки получить города героя предпринимались неоднократно. Последний раз в 1975 году, когда к 30-летию победы «За мужество и героизм в годы Великой Отечественной войны и успехи в развитии народного хозяйства» город был награждён орденом Отечественной войны I степени [Воспоминания о Воронеже военных лет (форум). 2007] (НКРЯ) (орфография источника сохранена).*

Это единственный пример в группе, и он, к сожалению, не является показательным, прежде всего потому, что, возможно, представляет собой просто сокращение конструкции *получить звание города-героя*, то есть содержит форму не винительного, а родительного падежа. Ср. примеры из НКРЯ: *Новосельнов давно знал, что двоюродный брат лейтенанта, молодой, полтора года назад защитившийся и уже успевший получить доцента философ Алексей Сеничкин проталкивает родича в аспирантуру на соседнюю историческую кафедру [Корнилов В. Демобилизация (1969–1971)] или Мой папенька мог даже дослужиться до генерала, но по воле судьбы они должны были получить генерала на Пасху, а умерли на страстной недгль [Лейкин Н. А. По чердакам и подвалам (1903)].*

Группа 6 (2%)

Экспансия одушевлённости во множественном числе

В эту группу вошли случаи, отмеченные большинством опрошенных носителей языка (76%) как неправильные, реже — как возможные: например, *США объявили главных стран-нарушителей авторского права в 2022 году (Yandex).*

Таким образом, можно видеть, что экспансия значения одушевлённости второго компонента композита — явление достаточно редкое и вызывающее сомнения у носителей языка.

При подсчёте соотношения примеров со сложносоставными словами и примеров с приложениями в составе синтаксических конструкций в той или иной группе статистически значимых различий выявить не удалось. Исследование статистической корреляции между значением

признака «вид композита» (сложносоставное слово / синтаксическая конструкция) и признаком принадлежности к одной из групп (1, 3, 4) проводилось с использованием критерия согласия Пирсона, соответствующий коэффициент вычислялся при помощи функции КОРРЕЛ Microsoft Excel. Единичные примеры в группах 2 и 5 не могут рассматриваться в качестве показательных, а примеры группы 6 вызвали сомнения многих участников опроса. Следовательно, при выборе носителями языка показателей одушевлённости в узусе как композиты, представляющие собой сложносоставные слова, так и композиты – синтаксические конструкции грамматически оформляются сходным образом. Иными словами, нельзя исключить, что это происходит в результате действия одних и тех же механизмов и является проявлением одних и тех же закономерностей.

Кроме того, выполнена проверка дополнительной гипотезы о корреляции выбора значения грамматической категории с типом реализуемого в контексте знания. Связь, с одной стороны, между признаком «знание кода» и показателями грамматической неодушевлённости, а с другой – между признаком «специфичное знание» и показателями одушевлённости была также исследована на массиве изучаемых примеров при помощи критерия согласия Пирсона. На основании результатов качественного контекстного анализа составлена таблица соотносительных значений признаков, которая обработана с помощью функции КОРРЕЛ Microsoft Excel. Полученный результат позволяет говорить о высокой статистической корреляции между значениями этих признаков, которая исключает случайное совпадение, но установление функциональной связи между типом знания и значением грамматической категории одушевлённости требует более детальных исследований с применением не только количественных, но и качественных методов. Необходимость привлечения более широкого круга разнообразных методов касается и перспективы уточнения характера связи между видом композита и особенностями его оформления в разных дискурсивных практиках.

Заключение

В деловом и официальном медиадискурсах нередко используются одушевлённые существительные по отношению к неживым референтам для обозначения роли таких референтов в социальном или правовом взаимодействии. В самостоятельно употребляемых словах значение категории одушевлённости в этих случаях соответствует словарной морфологической информации.

Цель проведённого исследования заключалась в том, чтобы установить, существуют ли различия в предпочтениях выбора значения категории одушевлённости для разных видов композитов: составных слов и синтаксических конструкций, включающих приложение.

Анализ языкового материала показал, что при образовании композитов (как сложносоставных слов, так и номинаций, включающих приложение) возможно как сохранение морфологических характеристик входящих в их состав частей, так и изменение показателей одушевлённости одной из них в результате экспансии характеристик другой части. Установлено, что особенно много случаев экспансии неодушевлённости зафиксировано при употреблении форм множественного числа, что можно объяснить, во-первых, тем, что на первом месте в таких композитах, как правило, стоит существительное женского или среднего рода, получающее выражение неодушевлённости именно во множественном числе, во-вторых, тем, что отсутствует противодействие такой экспансии при выражении знания кода в отличие от ситуаций представления специфичного знания. Последнее утверждение требует дополнительного более глубокого изучения с привлечением языкового материала других видов дискурса. Тем не менее совместная встречаемость этих признаков (вида знания и значения категории одушевлённости) в проанализированных контекстах деловых медиакommunikаций статистически значима, что позволяет говорить о наличии статистической связи между концептуализацией означаемого композита, находящей проявление в его грамматическом оформлении, и дискурсивными условиями употребления составной единицы номинации. Установление функциональной связи потребует дальнейших исследований с привлечением количественных и качественных методов.

По результатам проведённого исследования, выполненного пока на достаточно ограниченном языковом материале, можно предварительно утверждать, что взгляды А.Н. Барулина на построение составных морфолого-синтаксических конструкций и выбор их грамматических характеристик в соответствии с едиными принципами находят своё подтверждение: статистически значимых различий в употреблении показателей одушевлённости для сложносоставных слов и синтаксических конструкций, включающих приложение, не выявлено.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Копотев М.В., Стексова Т.И.** Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. М.: Языки славянских культур, 2016. 168 с.
2. **Циммерлинг А.В.** Одушевлённость. Русский язык // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2020. № 2 (24). С. 43–57. DOI: 10.31912/pvrl-2020.2.5
3. **Барулин А.Н.** Проект создания толково-комбинаторного словаря морфем // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2019. Вып. 11. С. 11–57.
4. **Черкасова А.А.** О некоторых грамматических признаках билексемы как особой единицы языка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 3 (1). С. 347–350.
5. **Ян Т.** Грамматические и семантические признаки сложносоставного существительного как особенного сложного слова // Российский лингвистический бюллетень. 2022. № 8 (36). DOI: 10.18454/RULB.2022.36.17
6. **Русакова М.В.** Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. 568 с.
7. **Бабина Л.В., Феденко А.Ю.** Антропоцентрический аспект изучения двухкомпонентных сложных существительных // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1 (21). С. 75–79.
8. **Авдеевна О.Ю., Девяткина В.В.** Персонализация и деперсонализация в юридической речи // Русистика и компаративистика: Сборник научных трудов по филологии. Вып. 13. М.: Книгодел, 2019. С. 228–244. DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.14
9. **Буторина Е.П.** Выбор значения категории одушевлённости для сочетания «юридическое лицо» в деловом медиадискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 12. С. 3824–3829. DOI: 10.30853/phil20220639
10. **Добросклонская Т.Г., Смольская Н.Б.** Медиатекстология: системный подход к изучению форматно-жанрового разнообразия современной медиаречи // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 118–135. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-4-8
11. **Арутюнова Н.Д.** Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
12. **Имамгаязова Д.И.** Фреймовая семантика киберпространства в русскоязычном медиадискурсе // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2022. № 3. С. 86–93. DOI: 10.18137/RNU.V925X.22.03.P086
13. **Мкртычян С.В.** Грамматическая категория одушевлённости/неодушевлённости в прагматическом аспекте // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 2 (69). С. 45–51. DOI: 10.26456/vtfilol/2021.2.045
14. **Фёдорова Л.Л.** Русские сложные слова глазами итальянских лингвистов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2020. № 6. С. 54–66.
15. **Йокояма О.Б.** Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005. 424 с.
16. **Фролова О.Е.** Живое и неживое в устойчивых сравнениях // Русская речь. 2014. № 6. С. 36–43.
17. **Буторина Е.П.** Особенности жанра жалобы на интернет-сайтах // Конфликт в языке и коммуникации: сборник статей / сост. и отв. ред. Л.Л. Фёдорова. М.: РГГУ, 2011. С. 451–464.

REFERENCES

- [1] **Kopotev M.V., Steksova T.I.**, Isklyucheniye kak pravilo: perekhodnyye yedinitsty v grammatike i slovare [Exception as a rule: transitional units in grammar and vocabulary], Languages of Slavic Cultures, Moscow, 2016.
- [2] **Zimmerling A.V.**, Animacy. Lessons from Russian, Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 2 (24) (2020) 43–57. DOI: 10.31912/pvrl-2020.2.5
- [3] **Barulin A.N.**, Explanatory combinatorial morpheme dictionary (project), Linguistics and Language Teaching, 11 (2019) 11–57.
- [4] **Cherkasova A.A.**, On Some Grammatical Features of the Bilexeme as a Special Language Unit, Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, 3 (1) (2010) 347–350.
- [5] **Yang T.**, Grammatical and Semantic Features of a Compound Noun as a Special Complex Word, Russian Linguistic Bulletin, 8 (36) (2022). DOI: 10.18454/RULB.2022.36.17
- [6] **Rusakova M.V.**, Elementy antropotsentricheskoy grammatiki russkogo yazyka [Elements of anthropocentric grammar of the Russian language], Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, 2013.
- [7] **Babina L.V. Fedenko A.Yu.**, Antropotsentricheskii aspekt izucheniya dvukhkompontnykh slozhnykh sushchestvitelnykh [Anthropocentric aspect of the study of two-component compound nouns], Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, 1 (21) (2016) 75–79.
- [8] **Avdevnina O.Yu., Devyatkina V.V.**, Personalizatsiya i depersonalizatsiya v yuridicheskoy rechi [Personalization and depersonalization in legal discourse], Rusistika i komparativistika: Sbornik nauchnykh trudov po filologii [Russian and comparative studies: Collection of scientific works on philology], Iss. 13, Knigodel, Moscow, 2019, pp. 228–244. DOI: <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2019.13.14>
- [9] **Butorina E.P.**, Choosing the Meaning of the Animacy Category for the Collocation «юридическое лицо» in Business Media Discourse, Philology. Theory & Practice, 15 (12) (2022) 3824–3829. DOI: 10.30853/phil20220639
- [10] **Dobrosklonskaya T.G., Smolskaya N.B.**, Mediatextology: a systematic approach to the study of the modern media language format and genre diversity, Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal, 4 (2023) 118–135. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-4-8
- [11] **Arutyunova N.D.**, Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world], Yazyki russkoy kultury, Moscow, 1999.
- [12] **Imamgayazova D.I.**, Frame Semantics of Cyberspace in the Russian-Language Media Discourse, Bulletin of the Russian New University. Series: Human in the modern world, 3 (2022) 86–93. DOI: <https://doi.org/10.18137/RNU.V925X.22.03.P086>
- [13] **Mkrtychyan S.V.**, The pragmatic aspect of animacy/non-animacy grammatical category, Herald of Tver State University. Series: Philology, 2 (69) (2021) 45–51. DOI: <https://doi.org/10.26456/vt-filol/2021.2.045>
- [14] **Fedorova L.L.**, Russkiye slozhnyye slova glazami italyanskikh lingvistov [Russian compounds in the description of Italian linguists], Lomonosov Philology Journal, 6 (2020) 54–66.
- [15] **Yokoyama O.B.**, Kognitivnaya model diskursa i russkiy poryadok slov [Cognitive model of discourse and Russian word order], Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, 2005.
- [16] **Frolova O.E.**, Zhivoye i nezhyvoye v ustoychivyykh sravneniyakh [Living and non-living in stable comparisons], Russian Speech, 6 (2014) 36–43.
- [17] **Butorina E.P.**, Osobennosti zhanra zhaloby na internet-saytakh [Some features of the complaint genre on Internet sites], Konflikt v yazyke i kommunikatsii: sbornik statey [Conflict in language and communications: collection of articles], comp. and resp. ed. L.L. Fedorova, RGGU, Moscow, 2011, pp. 451–464.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Буторина Елена Петровна

Elena E. Butorina

E-mail: elenabutorina@yandex.ru

Поступила: 01.06.2024; Одобрена: 16.07.2024; Принята: 24.09.2024.

Submitted: 01.06.2024; Approved: 16.07.2024; Accepted: 24.09.2024.